

АННА БАРТОН

СЕКРЕТЫ
ЛЕДИ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б 26

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Anne Barton
ONCE SHE WAS TEMPTED

Перевод с английского *Т. А. Осиной*

Компьютерный дизайн *А. И. Смирнова*

Печатается с разрешения автора, издательства Grand Central
Publishing, New York, New York, USA
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Бартон, Анна.

Б 26 Секреты леди : [роман] / Анна Бартон ; [пер.
с англ. Т. А. Осиной]. — Москва : АСТ, 2015. —
352 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-082957-6

Несколько лет назад юная Дафна Ханикот, чтобы спасти семью от нищеты, согласилась позировать талантливому художнику, и теперь, когда удача и благосостояние вновь вернулись, эта благородная, но отчаянная выходка грозит девушке позором и горем.

Бенджамин Элиот, граф Фоксберн, ее поклонник и, к несчастью, владелец одной из картин, резко осуждает «смелое» одеяние натурщицы и вызывающий романтизм самой работы. Что же будет, если он завладеет и вторым портретом? Неужели сердце Дафны, в котором уже пробудилась робкая, но пылкая страсть к суровому графу, будет разбито навсегда?

Так начинается история веселых и удивительных приключений, захвативших сердца миллионов читательниц по всему миру!..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Anne Barton, 2013
© Перевод. Т.А. Осина, 2014
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-082957-6

Глава 1

Щетина — 1. Грубые волосы животного, которые используются для изготовления кистей. 2. Растительность на мужском лице, придающая облику романтический оттенок. Например: «Легкая щетина на щеках и подбородке графа оттеняла синеву глаз и подчеркивала суровую мужественность черт».

*Лондон
1816 год*

Первая встреча с мисс Дафной Ханикот внушила Бенджамину Элиоту, графу Фоксберну, две достойные внимания мысли.

Первая заключалась в том, что молодая особа выглядела вполне подходящей парой его серьезному, благонаравному молодому протеже — виконту Билтмору; для друзей попросту Хью. Золотистые волосы были собраны на затылке в скромный пучок, а сдержанный вырез на платье не возмутил бы даже самую придиричивую настоятельную монахиню. Да и весь облик мисс Ханикот излучал свет, доброту и непорочность.

Суть второй мысли, посетившей графа во время углубленного созерцания, состояла в необходимости срочно снять со стены своего кабинета портрет означенной молодой леди в обнаженном виде.

Впрочем, если говорить честно, на портрете мисс Ханикот — к глубокому огорчению графа — была изображена не полностью раздетой. Она полулежала в шезлон-

ге сапфирового цвета в платье, расстегнутом до поясицы и открывающем восхищенному взору изящные плечи и плавную линию спины. При этом героиня вполоборота смотрела на зрителя — спокойно и задумчиво.

И абсолютно пленительно.

Дворецкий однажды не вытерпел и нервно заметил, что графскому кабинету в значительно большей степени соответствовало бы произведение отвлеченное и не столь волнующее, — например, пейзаж сельской Англии или сцена из охоты на лис. Бенджамин, в свою очередь, с нехарактерным для него спокойствием пояснил, что поскольку не собирается проводить в своем кабинете следующее заседание Дамского библейского общества, то, черт возьми, волен вешать на стену любую картину, какую только пожелает, — даже самую вызывающую.

Но сейчас, на званом обеде у герцогини Хантфорд, граф Фоксберн с неодобрительным вниманием наблюдал, как бедняга Хью лезет из кожи вон, чтобы произвести на мисс Ханикот благоприятное впечатление, и не без грусти думал, что картину все-таки придется снять и перевесить в более укромное место. Если Хью увидит скандальный портрет, то сразу сообразит, что предмет его настойчивых ухаживаний вовсе не столь непорочен, как кажется.

Конечно, Бенджамин понимал, что осуждать, а тем более бросать камни, — не его привилегия, и все же он хотя бы не надевал маску обходительного, любезного светского льва, а оставался самим собой — язвительным и горьким циником. Все вокруг знали, что представляет собой граф Фоксберн и на какие резкие, порой обидные замечания он способен, но — странное дело — от этого поток приглашений в лучшие лондонские гостиные не скудел. Удивительно, что люди способны мириться с самыми злостными пороками, если эти пороки спрово-

ждаются аристократическим титулом, богатством и несколькими интересными шрамами в придачу.

Как правило, Бенджамин предпочитал обедать в одиночестве, но отказаться от приглашения герцогини Хантфорд не смог — в значительной степени оттого, что подзревал хозяйку в коварном умысле: намерении продолжить знакомство мисс Ханикот с Хью. Этот обед в полной мере соответствовал выдвижению на передовую кавалерийского эскадрона, а следовательно, ответный ход требовал не менее тщательной разработки — как стратегической, так и тактической. Маневр подобного рода смог бы искусно отразить Роберт — старший брат Хью и лучший друг Бенджамина. Граф печально вздохнул, сунул палец за галстук и потянул — внезапно стало нечем дышать.

Роберт погиб на передовой и оставил младшего брата на произвол судьбы: кроме Фоксберна, присмотреть за Хью было некому. Замена, надо сказать, абсолютно неравноценная. И все же граф понимал, что главная задача опекуна — оградить молодого лорда Билтмора от происков корыстных, морально неустойчивых и не в меру очаровательных особ типа мисс Ханикот.

Весь вечер Бенджамин не сводил с ослепительной блондинки настороженного, опасливого взгляда. Не зная правды, можно было бы поклясться, что, прежде чем отправиться на обед, героиня портрета совершила набег на платяной шкаф чопорной супруги пастора. Разительное противоречие между написанным маслом образом мисс Ханикот и ее телесным воплощением приятно, хотя и несколько фривольно, будоражило ум во время длинного и во всем остальном предсказуемо скучного обеда. Хозяин дома восседал во главе стола с величием, приличествующим скорее средневековому королю, чем современному просвещенному герцогу; хорошенькая герцогиня властвовала на противоположном фланге. Другие дамы —

две младших сестры лорда Хантфорда, Оливия и Роуз, а также его свояченица мисс Ханикот — были старательно и равномерно распределены между джентльменами в лице Хью, самого графа и его доверенного адвоката, а по совместительству друга и неизменного партнера по боксу Джеймса Аверилла.

Вернувшись с войны после битвы при Ватерлоо, Бенджамин старательно избегал подобных жизнерадостных сборищ, где главными темами разговора служили состояние дорог и пресловутая английская погода. Сидя в элегантных столовых и с аппетитом поглощая творения лучших лондонских поваров, граф Фоксберн страдал от раскаяния и обвинял себя в преступном лицемерии, если не в предательстве: самые храбрые воины его полка остались навеки лежать в сырой земле.

Нога дернулась, словно в знак согласия.

Проклятие! Обычно это произвольное движение служило предупредительным выстрелом перед артиллерийской канонадой. На лбу выступили капли пота; граф с такой силой сжал вилку, что мягкое серебро не выдержало напора и согнулось едва ли не дугой.

Под полированным красного дерева столом он отчаянно вцепился в ручку кресла: изуродованные мышцы на правой ноге начали безжалостно закручиваться спиралью и судорожно дергаться. Чтобы сохранить видимость спокойствия и ровное дыхание, пришлось сжать зубы. Светская беседа утратила смысл и теперь доносилась издали, словно кто-то внезапно захлопнул невидимую дверь. Предметы — даже расположенные совсем близко — утонули в тумане до того густом и глубоком, что трудно было сказать, где заканчивается скатерть и начинается тарелка. По привычке Бенджамин начал мысленно считать. Один, два, три... Приступ мог продолжаться десять секунд или десять тысяч, но подсказанное

горьким опытом сознание, что рано или поздно мучения закончатся, служило спасительной соломинкой.

На счете «восемьдесят шесть» боль действительно немного утихла, потеряла остроту, а потом и отступила; окружающее пространство начало медленно возвращаться и фокусироваться. Граф обвел присутствующих быстрым, но цепким взглядом и немного успокоился. Никто из сидящих за столом не проявил ни тревоги, ни озабоченности. Отлично. Значит, сегодня все-таки удалось удержаться и от глухих стонов, и от невнятного бормотания. Как ни в чем не бывало Бенджамин непринужденно и равнодушно промокнул салфеткой взмокший лоб. Правда, мисс Ханикот все равно обратила внимание на жест и метнула в его сторону любопытный взгляд, но граф проигнорировал праздный интерес, одним глотком выпил едва ли не полбокала вина и попытался поймать ускользнувшую нить разговора.

Попутно выяснилось, что все это время Хью с идиотской блаженной улыбкой пожирал глазами мисс Ханикот. Судя по всему, с каждым новым блюдом он все глубже проваливался в бездонный колодец поклонения. Пожалуй, с такими темпами к десерту можно будет объявить о помолвке.

— Насколько удалось понять, по четвергам вы опекаете сиротский приют, — с глубоким почтением изрек лорд Билтмор.

— Да, мне нравится проводить время с детьми. — Мисс Ханикот скромно потупилась, словно стеснялась разговора о собственной благотворительной деятельности. Ничего удивительного: скорее всего она не заметит сироту, даже если от голода бедняга укусит ее за хорошенькую лодыжку.

— Воспитанницы обожают Дафну, — с нескрываемой гордостью вступила в разговор молодая герцогиня. —

Своей лучезарной улыбкой сестра способна осветить даже самый мрачный из приютов.

— О, несомненно! — с восторженной убежденностью воскликнул преданный ценитель женской красоты.

Мисс Ханикот вспыхнула очаровательным румянцем, однако лорд Фоксберн едва сдержал презрительную ухмылку. Да уж. Неизвестно, как обстоит дело с приютами, а вот его кабинет она освещала славно!

Скорее всего пронырливая особа не стала бы так прилежно хлопать ресницами перед наивным, романтически настроенным Хью, если бы трагические обстоятельства не обрушили на его неокрепшие плечи титул виконта. Ну, а виконт, в свою очередь, настолько безнадежно увяз в любовном болоте, что уже начал сочинять дурные стихи в честь предмета обожания. Следовательно, графу предстояло обсудить с мисс Ханикот компрометирующий портрет, причем как можно строже и категоричнее... разумеется, без свидетелей. Только таким образом, если повезет, удастся избавить подопечного от унижительного прозрения: что бы он почувствовал, узнав, что на самом деле дама его сердца — не больше чем обыкновенная шлюха?

— Лорд Билтмор много рассказывал о вашем героизме во время военной кампании, граф, — во всеулышание объявила леди Оливия Шербурн — самая непосредственная и общительная из присутствующих за столом дам — и посмотрела на гостя с нескрываемым интересом.

Бенджамин пронзил неразумного юнца испепеляющим взглядом и повернулся к соседке.

— Рассказы эти — не более чем художественное преувеличение. А на самом деле я всего лишь имел несчастье оказаться на пути вражеской пули. Позвольте заверить: ничего выдающегося, а уж тем более героического не произошло.

— Неправда! — горячо возразил Хью и воинственно

выпрямился. — Сам полковник приезжал навестить лорда Фоксберна и сказал, что...

— Довольно! — оборвал Бенджамин. К сожалению, реплика прозвучала намного громче и грубее, чем позволяли правила приличия. Герцогиня выронила вилку; раздался резкий противный звон, за которым последовало осуждающее молчание. Дамы изумленно и испуганно замерли, а сидящий во главе стола герцог Хантфорд надулся и покраснел от негодования.

Бенджамин невозмутимо положил салфетку рядом с тарелкой и с самым непринужденным видом откинулся на спинку кресла. Если им угодно ждать извинений, то ожидание продлится долго, а меж тем мороженое, искусно замаскированное под ананас, уже начало таять.

— Уверен, что за обедом лучше поговорить о чем-нибудь другом.

Герцог недоуменно вскинул густые черные брови.

В ответ граф Фоксберн улыбнулся одними губами.

— В беседах с дамами предпочитаю предметы не столь болезненные. — Замечание прозвучало неискренне, что вполне понятно, учитывая недавний приступ.

— Предлагаете ограничиться сетованиями на разбитые дороги и мерзкую погоду? — В эту минуту леди Оливия напоминала девочку, которая обнаружила, что ее бриллианты на самом деле — не больше чем дешевая бижутерия.

— Разумеется, нет. — Граф небрежно подцепил ложкой чешуйку ананаса. — На свете существует немало интересных тем, вполне пригодных для обсуждения в обществе молодых леди.

— Например?

Ложка застыла в воздухе, так и не достигнув пункта назначения.

— Ну.. право, не знаю. Может быть, цвет и фасон нового тюрбана леди Бонвилл?

Все взгляды мгновенно сосредоточились на авторе глубокомысленного изречения, но ни одного сочувственного среди них не обнаружилось.

Мисс Ханикот откашлялась в достаточной степени звучно, чтобы отвлечь от несчастного всеобщее осуждающее внимание. Сейчас она походила на матадора, отважно развернувшего алый плащ. Улыбнулась, мгновенно согрев остывшую было комнату, и легким тоном заговорила:

— Лорд Фоксберн, к сожалению, я не уполномочена отвечать за всех сестер Евы, однако позвольте заверить, что моя сестра, а также леди Оливия, леди Роуз и я сама вовсе не настолько хрупки и ранимы, как вам, должно быть, представляется. Если бы вы знали нас лучше, то не боялись бы оскорбить нежные чувства молодых дам. Напротив, скорее беспокоились бы о собственной безопасности, опасаясь оказаться в положении оскорбленной стороны.

Дамы дружно одобрительно захихикали, и даже лорд Хантфорд неохотно и снисходительно усмехнулся. Мисс Ханикот надула розовые губки, склонила хорошенькую головку и посмотрела прямо в глаза Фоксберну. В этот миг искусственная улыбка и тяжелые веки напомнили о героине портрета, отрешенно и оттого еще более чувственно смотревшей со стены кабинета.

И, по случайному совпадению, о прекрасной волнующей женщине, которая регулярно являлась во сне.

Дафна пригубила вино и поверх бокала окинула восхищенным взором роскошную столовую герцога Хантфорда. Огонь уютно потрескивал в мраморном камине, отсвечивал в золоченых рамах картин и сиял в хрустальных подвесках люстры. Стены цвета морской волны благородно сочетались с изящной мебелью красного дерева.

Сестра Аннабел мило краснела под жаркими взглядами мужа. Если новая округлость щек и блеск в глазах можно считать правдивым свидетельством, то титул герцогини явно пошел ей на пользу.

Подумать только: скромная швея Белла — герцогиня Хантфорд! Мысль до сих пор вызывала легкое головокружение.

А ведь еще год назад сестры жили в бедном квартале, в крошечной арендованной квартирке и думали только о том, как прокормиться и где взять денег, чтобы купить маме необходимое лекарство. Дафна сидела у постели больной ночи напролет, как будто надеялась помешать смерти ворваться и утащить свою жертву. А по утрам, когда воздух в комнате густел от резкого запаха горькой настойки и крепкого чая, боялась прикоснуться к исхудавшей руке и ощутить могильный холод.

По спине пробежал холодок. Вообще-то Дафна не любила подолгу размышлять о тяжелых временах, однако порою грустные воспоминания приносили пользу — в частности, помогали по достоинству оценить нынешнее благополучие.

А ценить было что.

Мама выздоровела и чувствовала себя прекрасно. Сейчас они жили в отдельном доме — в двадцать раз просторнее и в сто раз красивее прежнего убогого жилища. К дому прилагалась целая армия слуг: дворецкий, повар и даже несколько горничных. Если бы пару лет назад цыганка нагадала нечто подобное, то Дафна задохнулась бы от смеха. И все же в эту минуту она сидела не где-нибудь, а в герцогской столовой.

И наслаждалась своим первым светским сезоном.

О подобном повороте судьбы трудно было мечтать даже с ее неистребимым оптимизмом. Сложилось так, что замужество старшей сестры — результат волшебной любви, какая случается только в сказках, — распахнуло

двери в самые блестящие бальные залы и даже позволило надеяться на билет в святая святых — дворец «Олмак», а возможно, и на представление ко двору. От безумной мысли сердце дрогнуло и гулко застучало.

Да-да, сердце застучало именно от мысли о невероятном везении, а вовсе не от присутствия лорда Фоксберна, не от его бездонных синих глаз и непочтительной ухмылки. Граф производил впечатление человека крайне резкого, если не сказать циничного, но лорд Билтмор отзывался о нем с таким неподдельным уважением, что положительные человеческие качества, пусть и глубоко скрытые, просто обязаны были существовать. Что-то, помимо широких плеч и ямочки на левой щеке. Дафна не забывала о приличиях и изо всех сил старалась не сверлить джентльмена взглядом, но, к несчастью, сидел он как раз напротив. Нельзя же весь вечер смотреть в потолок!

Сегодняшнее странное беспокойство объяснялось скорее всего чрезмерной безупречностью и хрупкостью внезапно пришедшего благополучия. Если построить башню из хрустальных бокалов, то рано или поздно она упадет от малейшего неосторожного движения и разобьется на мелкие кусочки. Дафна на миг зажмурилась, прогнала пугающий образ, глубоко вздохнула и отправила в рот последний кусочек ананасного мороженого — неоспоримого свидетельства реального существования рая.

Обед подошел к концу. Как всегда, дамы встали из-за стола и ретировались в гостиную, где уже ждал чай. Едва дверь закрылась, Белла оттащила Дафну в сторону и принялась допрашивать так безжалостно и бесцеремонно, как умеют допрашивать только старшие сестры:

— Ну, и что ты о нем думаешь?

— Грубоват, но, наверное, можно сделать скидку на личные обстоятельства.

Белла озадаченно прищурилась сквозь очки.

— Лорд Билтмор кажется тебе грубым?

Ах, проклятие! Разумеется, сестру интересовал лорд Билтмор — милейший молодой виконт, который однажды прислал цветы и два раза приезжал с визитом.

— Думала, ты спрашиваешь не о нем, а о лорде Фоксберне. — У Дафны предательски запылали щеки. — Лорд Билтмор — истинный джентльмен. Любезный, великодушный и...

— А на его плечи обратила внимание? Они такие широкие...

Дафна нахмурилась: что за глупая привычка злоупотреблять местоимениями!

— Чьи плечи?

— Лорда Билтмора! — Аннабел безнадежно вздохнула и покачала головой.

— Что ж, ничего не поделаешь. Если виконт не волнует твоё воображение, вокруг немало других достойных внимания молодых людей. Могу познакомить с любым. Просто мне казалось, что он...

Дафна поймала руку, которой сестра размахивала от избытка чувств.

— Лорд Билтмор — прекраснейший из людей. Большое спасибо за этот замечательный вечер. Ты ведь организовала его ради меня, правда?

На губах Аннабел появилась таинственная улыбка, а в глазах вспыхнули искры.

— Учти, это только начало.

О нет. Белла всегда и во всем шла до конца. Однажды Дафна попросила сестру поменять пояс на простом утреннем платье. А в итоге спустя несколько часов получила сверкающее произведение из шелка и тончайших кружев. Если леди Хантфорд решит всерьез заняться сводничеством, о покое можно будет забыть.

— Но ты ведь молодая жена, да к тому же еще и герцогиня. Наверняка у тебя найдутся дела интереснее и важнее неустанной заботы о моем светском календаре.

— Ничего более интересного и важного быть не может. Это твой шанс, Дафна. Никто на свете не заслуживает счастья больше, чем ты.

— Я и так вполне довольна жизнью. — И все же о таком редком счастье, какое Белла делила с Оуэном, трудно было даже мечтать.

— Ты понимаешь, о чем я.

Дафна прикусила губу.

— Да.

Если сестра настроена столь решительно, почему бы не позволить ей сделать все, что она считает необходимым? На свете не существовало человека, которому Дафна доверяла бы больше, а потому сейчас она без лишних слов крепко обняла свою милую заботливую дуэньку и, чтобы не расплакаться, поспешила отойти к столу.

Налила чашку чая и уединилась в дальнем конце гостиной, где возле распахнутого окна стояло уютное плисовое кресло. Теплый ветерок ласково теребил локоны на шее, и от тихого удовольствия глаза как-то незаметно закрылись.

Этот сезон и в самом деле был ее шансом, преподнесенным судьбой на серебряном подносе. Бедная девушка из квартала Сент-Джайлс чудом попала в аристократическое общество. Если удача улыбнется, то не исключено даже приличное замужество. Возможно, на жизненном пути встретится добрый, достойный человек. В минуты особой смелости Дафна надеялась на любовь к тому, кто сумеет разделить с ней понимание жизни и стремление приносить счастье другим.

С этой точки зрения, лорда Билтмора можно было считать безупречным кандидатом. Он обладал утонченными манерами, а с Дафной обращался как с сокровищем, хрупкой драгоценностью, которую следовало лелеять и охранять. В открытой, почти мальчишеской улыбке не сквозило ни тени цинизма, а непослушные рыжеватые волосы задорно и мило топорщились на затылке, по-

добно пучку травы. Несмотря на тяжкие утраты последних лет — смерть родителей и гибель двух старших братьев, виконт все-таки не потерял способности видеть светлые стороны жизни и умел щедро делиться добром.

Вне всякого сомнения, в разгар сезона перед лордом Билтмором открывался бесконечный выбор светских молодых леди, и все же он настойчиво оказывал знаки внимания Дафне — неведомой дебютантке с крайне ограниченными связями и без намека на приданое. Незвестность влекла за собой одно важное преимущество — полное отсутствие каких-либо историй. Иными словами, репутация оставалась незапятнанной.

Кусочки жизненной мозаики складывались на редкость удачно.

На чашку упала тень. Дафна подняла глаза и уперлась взглядом в безупречно сшитый синий жилет.

— Мисс Ханикот, не позволите ли пару слов?

От неожиданности Дафна заморгала, слегка откинула голову и увидела сначала белоснежный шейный платок, а потом и лицо. Недостаток галантности лорд Фоксберн компенсировал красотой. Загар выгодно подчеркивал поразительную синеву глаз. Если судить по их выражению, то легкие морщинки у висков появились не столько от улыбок, сколько от строгого прищура. Уголки рта были опущены, но губы выглядели полными, чувственными и рождали опасливое предположение, что искренняя улыбка — если таковая вообще когда-нибудь случится — способна сразить обаянием.

Волнистые каштановые волосы смягчали резкие линии носа, скул и подбородка, но глаза не позволяли довериться обманчивому впечатлению: беспокойные, как волны бушующего моря, они выплескивали из темной бездны бурю негодования, любопытства, решимости и робкой надежды. Эти противоречивые чувства стихия вынесла на поверхность, а что скрывалось в таинствен-